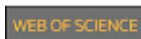

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Черкасова Е. А. Жанр некролога в наследии В. С. Соловьева / Е. А. Черкасова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 3327—344. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-327-344.

Cherkasova, E. A. (2022). Obituary Genre in Legacy of V. S. Solovyov. *Nauchnyi dialog*, 11(1): 327-344. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-327-344. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-327-344

Жанр некролога в наследии В. С. Соловьева

Черкасова Екатерина Анатольевна
orcid.org/0000-0002-8592-7109
кандидат филологических наук
кафедра русской
и зарубежной литературы
cherkasova85@gmail.com

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Obituary Genre in Legacy of V. S. Solovyov

Ekaterina A. Cherkasova
orcid.org/0000-0002-8592-7109
PhD in Philology, Associate Professor
Department of Russian
and Foreign Literature
cherkasova85@gmail.com

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Черкасова Е. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности организации некрологов, созданных В. С. Соловьевым с 1883 по 1900 годы. Выявляются черты авторской стратегии в написании траурных текстов. Актуальность статьи обусловлена значимостью фигуры В. С. Соловьева в отечественной культуре. Исследование выявляет жанровую и композиционную специфику некрологов как особого факта культуры создания посмертных текстов в России во второй половине XIX — начале XX веков. Научная новизна данной статьи заключается в том, что впервые в соловьеведении в совокупности рассматриваются некрологи известного русского философа, выявляются авторское отношение к смерти и важные аспекты понимания им места человека в мире. Устанавливаются взаимосвязь этих работ с остальным наследием В. С. Соловьева и жанровые признаки данных некрологов. Обнаруживаются главные качества истинно духовной личности, по Соловьеву: это человек, который обладает исключительными качествами сердца, не всегда понятен обществу, но который своими делами воплощает главное человеческое предназначение — служение христианской истине. Делается вывод, что некрологи В. С. Соловьева отражают его систему взглядов и семантически переключаются с другими работами автора.

Ключевые слова:

жанр некролога; некрологи В. С. Соловьева; авторский некролог; Вестник Европы; диалог; русский некролог XIX—XX веков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the organization of obituaries created by V. S. Solovyov from 1883 to 1900 is considered. The specific traits of the author's strategy in writing mourning texts are revealed. The relevance of the article is due to the importance of V. S. Solovyov for Russian culture, as well as the prospects for research that will reveal the genre and compositional specifics of obituaries as a special fact of the culture of creating posthumous texts in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. The scientific novelty of this article lies in the fact that for the first time in Solovyov studies, the obituaries of the famous Russian philosopher are considered in aggregate, the author's attitude to death and important aspects of his understanding of the place of man in the world are revealed. The relationship of these works with the rest of V. S. Solovyov and genre features of these obituaries is determined. According to Solovyov, the main qualities of a truly spiritual person are revealed: this is a person who has exceptional qualities of the heart, is not always understood by society, but who, through his deeds, embodies the main human destiny — serving Christian truth. He concludes that the obituaries of V. S. Solovyov reflect his system of views and semantically resonate with other works of the author.

Key words:

obituary genre; obituaries V. S. Solovyov; author's obituary; magazine *Bulletin of Europe*; dialogue; Russian obituary of the 19th–20th centuries.

Жанр некролога в наследии В. С. Соловьева

© Черкасова Е. А., 2022

1. Введение = Introduction

Некрологи стали неотъемлемой частью газетно-журнальных публикаций с момента выхода «Положения об издании губернских ведомостей» в 1830 году. Ведомости тогда включали четыре отделения, и в третьем, кроме прочего, сообщалось о «смертных случаях известных чиновников, служащих и неслужащих, помещиков, купцов 1-й гильдии, ученых, художников и т. п.» [Положение ...]. Газета «Русь», журналы «Русское обозрение» и «Вестник Европы» во многом сформировались в русле этой традиции, поэтому некрологи там печатались в особых разделах. Период с 1830-х годов до первого десятилетия XX века был озаглавлен «настоящим расцветом жанра некролога», так как в периодике того времени «было опубликовано несколько десятков тысяч некрологов людям разных занятий и профессий, разного социального положения» [Онипко, 2018, с. 83]. Кроме того, феномен расцвета некролога на рубеже XIX—XX веков обусловлен ситуацией, «когда были достаточно четкие представления о смысле существования человека и социума, об устройстве общества, скрепляющих его ценностях» [Рейтблат, 2006, с. 5].

Свои 11 некрологов В. С. Соловьев публикует в «Вестнике Европы», который издавал и редактировал М. М. Стасюлевич, бывшем идейным продолжением одноименного журнала Н. М. Карамзина. Изначально это был научно-исторический журнал, но позже он расширил свое содержание. Так, пятый отдел издания «Историческая хроника» в 1868 году был преобразован в «Ежемесячную хронику истории, политики, литературы», а позже и вовсе расформирован в разные отделы, где публиковали в том числе и некрологи. Согласно нашим разысканиям, первый некролог «Егор Петрович Ковалевский» как обособленная часть «Вестника Европы» появился в октябрьском номере журнала в 1868 году. Позже некрологи публиковались как в разделе «Общественная хроника», так и в качестве материалов вне постоянной рубрики.

Некрологи как особый публицистический жанр фиксируют отношение человека определенной эпохи к смерти и подчеркивают значение тех или иных деятелей. Важной фигурой в этом жанре является автор, чья воля (проявляющаяся в желании написать о чьей-то смерти, в отборе жизненных фактов об умершем и т. п.) и стратегия (структурная и художественная ор-

ганизация текстов) диктуют определенную форму траурного текста. Кроме того, некролог зачастую является первой формой реакции автора и общества на смерть того или иного человека, а значит, фиксирует наивысшую эмоциональную точку в посмертном диалоге автора и «героя» некролога. При этом от автора некролога требуют тщательного отбора «жизненного материала ушедшей из жизни личности, а также очень бережного и трепетного отношения к каждому знаку, к каждому слову» [Милетова, 2018, с. 121].

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

В процессе формирования вторичные жанры «вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [Бахтин, 1986, с. 430]. В данной связи некрологические статьи, включающие в себя элементы реальных диалогов автора и умершего, перечисление публикаций покойного и т. п., выстраивают особые отношения с читателем и наследием покойного, актуализируя ту информацию, которая, по мнению автора, особенно важна для понимания личности умершего и осознания его заслуг. Делая бытовой диалог частью некрологической статьи, автор тем самым выводит личное высказывание на уровень общественно значимой мысли, ведь в «теле» вторичного жанра простые жанры «входят в реальную действительность» лишь через произведение в его целом, «то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни» [Там же]. Социализация личных переживаний также отражает диалогическую суть некрологических текстов, включающих рассказ об усопшем, авторское объяснение формирования этого публичного высказывания (рассказ о личном знакомстве, социальных связях и т. п.), а также закрепление образа покойного в культурной памяти (отмечание его заслуг).

В литературоведении уже выработан подход к анализу художественного произведения посредством теории М. М. Бахтина. Так, А. Д. Степанов разворачивает и преломляет бахтинскую идею на материале произведений А. П. Чехова. Исследователь особо подчеркивает потенциальную диалогичность любого речевого жанра, ведь «высказывание, произнесенное или написанное одним человеком и ограниченное с двух сторон сменой субъектов, может содержать внутри себя высказывания, принадлежащие к нескольким речевым жанрам» [Степанов, 2005, с. 8]. По мнению А. Д. Степанова, «существуют специфические жанроречевые доминанты и правила построения для художественного текста как такового, для отдельных литературных течений и направлений, а также для отдельных авторов и произведений» [Там же, с. 9]. Указанная потенциальная полижанровость речевого высказывания характерна и для авторских некрологов. Разные варианты диалога (автор-

читатель, автор-умерший, читатель-умерший и иные вариации), а также реализация авторской стратегии в каждом некрологе и в их совокупности способствуют переработке личного, жизненного опыта автора при создании таких текстов. Поэтому, с нашей точки зрения, жанр авторского некролога не только должен быть отделен от неавторской заметки или статьи о чьей-либо смерти, но и изучен в рамках отдельной художественной системы или в качестве отражения культуры разговора о смерти в определенную эпоху.

Материалом исследования послужили 14 некрологов В. С. Соловьева, которые никогда не рассматривались в их совокупности, а чаще всего привлекались исследователями в качестве дополнительного материала. Впервые на эту проблему указал А. В. Лосев, упомянувший 12 некрологов В. С. Соловьева в предисловии к двухтомному собранию сочинений философа 1988 года. По нашим подсчетам, в настоящее время опубликованы 14 некрологов В. С. Соловьева. Перечислим их с указанием названия и подзаголовка, содержащего дату смерти, а также обозначением в скобках даты издания некролога и варианта подписи автора:

«Княжна К. М. Шаховская» (1883. Подпись: «В. С.»);

«Франциск Рачкий (1/13 февраля 1894 г.)» (1894. Подпись «Владимир Соловьев»);

«Ф. М. Дмитриев (род. 1829 г. — ум. 27 янв. 1894 г.)» (1894. Подпись «Владимир Соловьев»);

«Профессор протоиерей А. М. Иванцов-Платонов» (1894. Подпись «Владимир Соловьев»);

«Н. Н. Страхов. 24 января 1896 г.» (не опубликован при жизни автора, 2005);

«М. А. Хитрово. 30 июня» (1896. Подпись: «В. С.»);

«Яков Петрович Полонский (род. В Рязани 6 дек. 1819 г.; сконч. в Спб 18 окт. 1898 г.)» (1898. Подпись «Владимир Соловьев. 23 окт. 1898 г.»);

«М. С. Корелин. (3 января 1899 г.)» (1899. Подпись «Владимир Соловьев. 22 января 1899 г.»);

«Л. И. Поливанов (11 февраля 1899 г.)» (1899. Подпись «Влад. Соловьев»);

«Иосиф Давидович Рабинович. 5 мая 1899 г.» (1899. Подпись «Владимир Соловьев»);

«Василий Григорьевич Васильевский. 13 мая 1899 г.» (1899. Подпись «Владимир Соловьев»);

«Николай Яковлевич Грот. 23 мая 1889 г.¹» (1899. Подпись «Владимир Соловьев»);

1 Здесь в журнале «Вестник Европы» допущена опечатка в указании даты смерти Н. Я. Грота.

«В. П. Преображенский. 11 апреля 1900 г.» (1900. Подпись «Владимир Соловьев»);

«Василий Васильевич Болотов. (сконч. 5 апреля 1900 г.)» (1900. Подпись «Владимир Соловьев»).

Включение в данное исследование некролога, не опубликованного при жизни автора, обусловлено необходимостью описания единой концепции построения им таких текстов. Н. В. Котрелев, подготовивший печать рукописи некролога «Н. Н. Страхов», отмечает, что Соловьев почти никогда «не составлял рукописи произведения из комбинации фрагментов разных версий, оставив работу над неким вариантом, начинал писать произведение наново» [Котрелев, 2005, с. 167]. Не имея на данный момент иных известных вариантов соловьевских рукописей некролога о Н. Н. Страхове, предлагаем рассматривать данный текст в контексте других критических работ В. С. Соловьева, обладающих признаками траурного жанра, хотя и в этой статье опишем признаки некролога, выявленные в данном тексте.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Специфика вступительной части некрологов В. С. Соловьева

Героями некрологов В. С. Соловьева становились как очень известные люди, так и те, кто только начинал свой путь общественного деятеля или вообще не был известен широкой публике. Так, первый некролог посвящен княжне Клеопатре Михайловне Шаховской, о которой вообще мало что известно. Ее отец (М. А. Шаховской, 1758—1817) был бригадиром в отставке и Волоколамским уездным предводителем, проживал в родовом имении Белая Колпь Волоколамского уезда Московской губернии, имел 9 детей. Единственный сын — В. М. Шаховской (1801—1850) — известен тем, что был адъютантом графа М. С. Воронцова, статским советником и «одесским знакомым А. С. Пушкина» [Черейский, 1988, с. 493]. Отметим, что именно соловьевский некролог оставил некоторые биографические сведения о княжне. Таким образом, живое воспоминание о ней фиксируется письменно, что ведет к «закреплению и сохранению любыми средствами отпечатка неудержимо удаляющегося прошлого» [Ассман, 2004, с. 68] В. С. Соловьевым.

Степень потери В. С. Соловьев измеряет в масштабах города, столицы, страны, народа и мира. Некролог о Ф. Рачкине автор начал так: «В деле культурного возрождения хорватского народа первое место после знаменитого епископа Штрессмайера несомненно принадлежит его другу и главному помощнику, загребскому канонику и президенту юго-славянской академии, Франциску Рачкому» [Соловьев, 1894а, с. 416]. О значении «неожиданной смерти» М. А. Хитрово автор написал, что тем самым Россия лишилась «замечательного политического деятеля, оказавшего в послед-

нее время важную услугу делу общего мира» [Соловьев, 1896, с. 904]. А смерть Л. И. Поливанова, по мнению В. С. Соловьева, стала трагедией для целого города («Сиротеет Москва ...») и для мира «учащих и учащихся по всей России» [Соловьев, 1899б, с. 421]. Иногда личность умершего с первых строк некролога вписывалась в общехристианскую историю: «Подобно тем евреям первого века, которые приняли Христа и отдались созиданию христианства, Иосиф Давидович, человек, как и те, воспитанный на писании, предании отцов и тайной мудрости» [Соловьев, 1899в, с. 453].

Характерно, что вступительные части некрологов В. С. Соловьева не всегда выполняют функцию сообщения о смерти, а иногда направлены на актуализацию разговора об умершем. Так, в начале некролога, посвященного памяти Ф. М. Дмитриева, автор указал малозаметность его смерти: «Немного среди нас оставалось замечательных людей прошедшего поколения; еще один из этих немногих ушел — и как мало это здесь заметили» [Соловьев, 1894а, с. 453]. Тема ухода предыдущего поколения, звучащая в этом некрологе, отражена и в лирике В. С. Соловьева. Так, строки из стихотворения «На смерть А. Н. Майкова» перекликаются с вышеупомянутой цитатой: *Тихо удаляются старческие тени, / Душу заключавшие в звонкие кристаллы, / Званы еще многие в царство песнопений, — / Избранных, как прежние, — уж почти не стало* [Соловьев, 1974, с. 116]. В некоторых некрологах автор сразу приступал к характеристике личности умершего: «Он обладал натурою разнообразно-одаренною и был замечателен во многих отношениях» [Соловьев, 1894б, с. 893]; «Тихий, добрый и умный человек, настоящий, первостепенный в своей области ученый, преданный служитель науки, державшийся с нею вдалеке от всяких посторонних целей» [Соловьев, 1899в, с. 455]; «При горькой вести о неожиданно ранней кончине Грота, все его знавшие, я уверен, вспомнили прежде всего не о том заслуженном писателе и преподавателе, который несомненно более всех потрудился над делом распространения философского образования в России, — а вспомнили прежде о живом, сердечном человеке» [Там же, с. 456].

Особыми являются вступления некрологов о тех, кто принадлежал к В. С. Соловьевым к одному поколению. Так, о М. С. Корелине он написал, что тот «ушел с середины пути» [Соловьев, 1899, с. 854]. Некролог «В. В. Болотов» также подчеркивает трагичность прерванной жизни: «Горько думать <...>, что прервано это подвижничество на половине пути» [Соловьев, 1900б, с. 416].

Среди прочих особо выделяются два некролога, имеющих лирическое вступление: о Полонском («Умер поэт душевного чувства» [Соловьев, 1898, с. 419]) и о В. П. Преображенском («Среди томительного дневно-го пути, далеко от ночлега, разбилось благородное сердце») [Соловьев,

1900а, с. 835]. В первом случае факт смерти сопряжен с особым качеством поэтического дара Я. П. Полонского. Во втором некрологе представлено метафорическое осмысление жизненного пути и его окончания.

Неопубликованный некролог также выделяется своей вступительной частью. Смерть Н. Н. Страхова оказалась для автора поводом к выражению оценки трудов покойного.

3.2. Иерархия ценностей: контраст и «сердечность» как ключевые характеристики умерших

Специфика авторского некролога отражена в образах автора и героя некролога. Любые характеристики покойного, отмеченные создателем посмертного текста, отражают также и сознание В. С. Соловьева, так как предполагают некоторое несоответствие неавторским, часто шаблонным заметкам или статьям о чьей-либо смерти. Выявление особенностей каждого некролога позволяет описать представления автора о жизни и смерти, о наиболее важных аспектах жизни, позволяющих вписать кого-либо в историю, а также о тех чертах личности самого автора, которые он проявляет, высказываясь об умершем. Кроме того, «если брать некрологи определенного периода в комплексе, то можно выявлять, какие ценности в данный момент больше всего важны для общества» [Рейтблат, 2006, с. 5].

В случае с рассматриваемыми текстами связующими компонентами будут категории «сердечности» и контраста в описании проявлений характера покойного или его отношений с другими. Например, в некрологе «Л. И. Поливанов» автор подчеркнул, что прием контраста в описании личности умершего позволил «характеризовать для не знавших лично Л. И. все своеобразие этой живой, вечно кипящей души» [Соловьев, 1899б, с. 421]. Именно это противоречие демонстрировало внутреннюю борьбу, изменения человека, свидетельствовало о живости души. Контрастность подмечена Соловьевым во всех сферах жизни героев текстов: внешность, качества характера, деятельность и даже тип юмора. Чаще всего она служила признаком выдающейся личности, способной исполнить духовную миссию. В частности, о княжне Шаховской он сказал, что «духовная юность и девственный энтузиазм», который она «сохраняла в свои преклонные годы», никогда «не обращался на недостойные или неважные предметы» [Соловьев, 1883, с. 60]. Подобное «несоответствие» живости характера преклонному возрасту мы встречаем и в некрологе о И. Д. Рабиновиче, с которым Соловьев познакомился как «с человеком, уже стареющим, хотя исполненным духовного жара и движения» [Соловьев, 1899в, с. 451].

Принцип контраста позволил Соловьеву создать уникальные образы умерших, в частности, о Ф. Рачкии он написал: «Оригинально также в нем

было соединение пламенного хорватского и всеславянского патриотизма с величайшею рассудительностью, здравым взглядом на вещи и людей, при этом он был прежде всего человеком долга и непоколебимой верности» [Соловьев, 1894а, с. 417, 418]. Порой крайность проявления каких-либо черт характера формировала индивидуальность умершего. Так, по словам В. С. Соловьева, профессору протоиерею А. М. Иванцову-Платонову были присущи «личная мягкость характера и добродушие в соединении с твердостью убеждений и глубокою религиозностью» [Соловьев, 1894б, с. 893]. Полноту и цельность натуры находит В. С. Соловьев и в М. С. Корелине, о разговоре которого тем не менее сказал, что он «производил впечатление не только резкости, но и сердитости, которая, однако, была лишь другою стороною той сердечности, с которою он относился к делам общественным так же, как и к личным» [Соловьев, 1899а, с. 854].

Иногда истинные качества характера человека, по словам Соловьева, могла раскрыть среда. Так, в частности, Ф. М. Дмитриев в Петербурге демонстрировал «преобладающий критический и сатирический характер его ума», который «мог внушать и ложное о нем представление, как о человеке желчном, озлобленном» [Соловьев, 1894а, с. 454]. Но чтобы узнать его настоящего, полагал Соловьев, надо было видеть Дмитриева в деревне, потому что именно там «вместе с обычными качествами его ума обнаруживалась и другая сторона: чрезвычайная сердечность, любовь к детям, к природе» [Там же]. А вот «раздвоенность взглядов» Н. Н. Страхова автор объяснял особенностями характера покойного, в котором «полная искренность и прямота чувства или сердечного настроения своеобразно соединялась с робостью мысли и нерешительностью воли», эти качества Соловьев не относил к проявлению «двоедушия» [Соловьев, 2005, с. 166].

Деятельность покойного часто выделяла его среди прочих: посвящение жизни служению общественному благу было главным признаком истинно значимой личности. Например, М. А. Хитрово, несмотря на отпуск в России, полностью отдавался своему делу и «старался противодействовать враждебным предубеждениям против Японии, доказывая выгоду и необходимость мирного соглашения с нею ввиду неизбежного крушения китайской империи» [Соловьев, 1896, с. 904]. Герой другого некролога, Л. И. Поливанов, по замечанию Соловьева, был «воплощенное душевное движение, безостановочная вибрация ума и сердца»; он ни к чему не проявлял равнодушия, а «деятельность души и польза, приносимая его трудами обществу — вот главная особенность Поливанова, который, имея внутреннюю целостность характера, контрастировал с теми, кто застыл в определенных формах» [Соловьев, 1899б, с. 421]. Подчеркнутая верность избранному делу характеризует и В. Г. Васильевского, который был

«первостепенный в своей области ученый, преданный служитель науки, державшийся с нею вдалеке от всяких посторонних целей» и который был «не только значительная умственная и ученая сила, но и крупный нравственный характер» [Соловьев, 1899в, с. 455]. О. Н. Я. Гроте автор написал, как о «живом, сердечном человеке, всегда исполненном благоволения и участия, всегда кипящем добрыми мыслями и начинаниями, всегда негодующем на разные беды и обиды общественные»; «он был истинно добрый товарищ» [Там же, с. 456]. Но при всем этом Соловьев не обходит и слабых качеств характера покойного: «И если вместе с тем он был очень самолюбив, или, точнее — был большой любитель похвал, то это свойство не обращалось у него острым концом против ближнего» [Там же].

«Сердечность» — еще одно качество, особенно подчеркиваемое В. С. Соловьевым в характерах умерших. Заметим, что, по подсчетам О. Н. Зотовой, лексема *сердце* является наиболее употребительной в лирике В. С. Соловьева [Зотова, 2013]. В некрологах же оно появилось впервые в финале текста «Княжна К. М. Шаховская», где автор отметил, что покойная «до конца свидетельствовала о Слове Божиим, а это слово свидетельствует о таких как она: блаженны чистые сердцем, яко тии Бога узрят» [Соловьев, 1883, с. 60]. В данном контексте человеческое сердце понимается как «внутренний человек, которого Господь именует сердцем» [Свт. Григорий Нисский ...]. Дела человека при этом рассматриваются как проявление божественной воли, особый знак избранности. Подобную трактовку мы встречаем и в труде В. С. Соловьева «Россия и вселенская церковь»: «Чтобы быть действительно связанным верою с желаемым объектом — безусловной истиной, надо быть самому сообразным этой истине» [Соловьев, 1999, с. 361]. Именно в этом контексте, на наш взгляд, стоит понимать и трактовать все упоминания о «сердечности» в рассматриваемых некрологах: сердце человека способно осознать то, что не поддается доводам разума. Даже для тех, кто напрямую был связан с религиозной деятельностью, Соловьев находил особые определения качества их веры. В частности, о профессоре протоиерее А. М. Иванцове-Платонове он написал, что тот «отличался такой живою сердечною религиозностью, какая далеко не всегда встречается у людей его положения — ученых представителей столичного духовенства» [Соловьев, 1894б, с. 893]. Соловьев отметил, что наличие большого числа «практических обязанностей» покойного не давало ему возможности «посвятить все свое время ученым трудам» [Там же]. Однако в этом Соловьев не видит повода для упрека, так как покойный служил более высокому интересу — «нравственно-педагогическому» [Там же, с. 894].

Формирование характера В. П. Преображенского Соловьев связывал с его детством, поэтому значительная часть некролога посвящена

описанию характера отца покойного, с которым тот жил после смерти матери. Соловьев, знавший Преображенского с детства, отмечал его силу характера: «Как теперь помню бойкого мальчика с живыми глазами и умною усмешкою, ходившего ко мне с корректурами от своего отца» [Соловьев, 1900а, с. 835]; «Ни сердечное горе, ни житейская каторга, не повлияли на этот сильный созерцательный ум, не отняли у него способности и мерила для объективной оценки вещей» [Там же, с. 836]. Примечательна в связи с этим некрологом вставка части диалога, в которой Соловьев визуально выделил слово *бессердечность*, качество, которое покойный считал «самым оскорбительным, что только можно кому-нибудь сказать, особенно когда упрек имеет правдоподобие» [Там же, с. 837]. Таким образом, «сердечность» оказывается неким маркером для автора в определении жизненных принципов, близких самому В. С. Соловьеву.

Еще об одном своем современнике — В. В. Болотове — Соловьев написал, что в его научных трудах нет «ясной определенной связи» между задачами и темами написанных трудов, несмотря на то что «религиозная вера в соединении с научным призванием изначала предопределила общий предмет трудов» [Соловьев, 1900б, с. 416]. «Горькое» ощущение Соловьева при упоминании имени покойного связано с тем, что ему не удалось воплотить весь потенциал «высокого дарования» [Там же, с. 417—418]. Причины такой нереализованности, по мнению Соловьева, кроются в том, что в отечественной богословско-церковной науке отсутствует «рост целого»: «Наши лучшие ученые, особенно в области духовной науки, похожи не на притоки могучих рек, текущих в моря и океаны, — а только на ключи, одиноко бьющие в пустыне» [Там же, с. 418].

Уникальным в данном аспекте является некролог «Я. П. Полонский», в котором автор впервые не упомянул противоречивые черты характера поэта и не писал о «сердечности», которую поэт мог бы проявлять. При этом показательно, что Соловьев неоднократно обратил внимание на особое свойство характера и поэтического таланта Полонского — «задушевность». Этому некрологу предшествовало стихотворение «На смерть Я. П. Полонского», в котором Соловьев, с нашей точки зрения, объяснил такое особое отношение к поэту: *Что разрывом тягостным / Мучит каждый миг — / Все ты чувством благодным / В красоте постиг* [Соловьев, 1974, с. 132]. Пожалуй, именно Полонский является для Соловьева примером идеального воплощения земного существования, в рамках которого свершается предначертанное преодоление поэтом земного несовершенства и соединение с миром красоты путем воплощения ее в лирическом искусстве.

3.3. Классификация финалов некрологов

Финальная часть некролога, подобно его началу, часто зафиксирована этой жанровой формой — использованием определенных речевых клише и стилистических оборотов. В связи с этим особенно важно, какие формулы вырабатывает В. С. Соловьев. Согласно нашим наблюдениям, можно выделить несколько вариантов:

(1) Цитата из Библии: *Она до конца свидетельствовала о Слове Божием, а это слово свидетельствует о таких как она: блаженни чистиим сердцем, яко тии Бога узрят* («Княжна К. М. Шаховская»); *Ей, говорит Дух, он успокоится от трудов своих, и дела его идут вслед за ним* («Иосиф Давидович Рабинович»);

(2) Традиционная / измененная форма, обозначение факта смерти: *Вечная ему память!* («Франциск Рачкий»), *Вечная память почившему служителю Любви!* («Профессор протоиерей А. М. Иванцов-Платонов»); *Там он и скончался на 62-м году от роду. Происходя из духовного звания, он прежде Университета был воспитанником Ярославской семинарии* («Василий Григорьевич Васильевский»);

(3) Обозначение необходимости посмертной оценки деятельности покойного: *Очень желательно посмертное собрание его сочинений* («Ф. М. Дмитриев»); *Подробная оценка его поэзии — впереди* («Яков Петрович Полонский»);

(4) Оценка взглядов и характера покойного («Н. Н. Страхов», «М. С. Корелин»);

(5) Обозначение характера утраты, связанного с масштабом личности покойного и его делами: *Его потеря будет очень заметна в русском обществе; а для нашей политики на дальнем Востоке это есть утрата незаменимая* («М. А. Хитрово»); *Трудно представить себе поливановскую гимназию без Льва Ивановича; а вместе с тем не хотелось бы думать, что она исчезнет, совсем потеряет свой особый характер большой педагогической семьи <...> — это было бы настоящею потерей для русского общества, да и обидой для покойного!* («Л. И. Поливанов»); *Тем грустнее было потерять один из этих немногих высоких ключей* («Василий Васильевич Болотов»);

(6) Диалог автора с покойным или обращение к нему: *До свиданья, добрый товарищ! — не так ли? — До скорого свиданья!* («Николай Яковлевич Грот»); *Ты-то уж, конечно, не подвергался и не подвергнешься тому упреку, который считал самым тяжким — упреку в бессердечности, — ты, благородное, разбитое жизнью сердце!* («В. П. Преображенский»).

Выделенные группы финалов некрологических текстов В. С. Соловьева создают новые смысловые единства, а также подчеркивают его особое,

неклишированное восприятие данного жанра, что, на наш взгляд, требует дополнительного осмысления.

3.4. Жанровая специфика некрологов В. С. Соловьева

Понимание В. С. Соловьевым смерти и жизненных задач человека лежит в плоскости различных взглядов и подходов, выработанных культурой разных эпох. Для большинства соловьевских некрологов характерно утверждение концепции континуитета между «миром земным и миром потусторонним, без драм и разрывов», концепция, которая, по словам Ф. Арьеса, может быть обнаружена «не только в заупокойных молитвах, но и в воскресной литургии» [Арьес, 1992, с. 154]. Такое замечание позволяет рассматривать траурные тексты Соловьева в том числе как особую форму литургии, так как диалогическая природа некролога изначально рассчитана на диалог как минимум с читателем издания, в котором этот текст опубликован. В переводе с греческого слово *литургия* означает ‘совместное дело’, а в связи с публичным характером жанра некролога он может иметь в себе признаки «светской» литургии, жанра, вынесенного из стен церкви в публичное пространство для совместного прощания с покойным. В этом смысле Соловьев не просит живых молиться об усопшем, «совместное дело» совершается посредством приобщения к коллективной судьбе, описания общественно значимой деятельности умершего как примера жизненного пути.

Некрологи В. С. Соловьева — это осознание физических и нравственных деяний умершего, ставших общим благом через его приобщение к Христу, образ которого являет собой абсолют добра и нравственного совершенства, распространяемого в мир. Неслучайно сравнение И. Д. Рабиновича с евреями первого века, принявшими Христа. В этом случае душа умершего, по Соловьеву, оказалась «такого же качества, как и те еврейские души первого века — души апостольские» [Соловьев, 1899в, с. 453]. Проводя такие параллели, автор наделяет свои некрологи признаками агиографических текстов, формируя новый характер духовности и актуализируя канонические образцы житийных текстов.

Показательно, что Соловьев не высказывался по поводу искупления грехов умерших. Индивидуализация смерти в некрологах Соловьева важна в аспекте реализации общественной цели и общечеловеческого стремления, проявленного при жизни. Увековечение памяти в рассмотренных некрологах связано в том числе и с идеей продолжения существований «эсхатологического и мемориального», которая «продлится очень долго, пройдет через эпоху Ренессанса и Новое время и даст о себе знать еще в позитивистском культе прославленных умерших и их могил в XIX в.»

[Арьес, 1992, с. 198—199]. В. С. Соловьев, упоминая прижизненные достоинства и дела умершего, даровал тем самым мемориальное увековечение покойному, а 14 созданных им некрологов свидетельствуют о том, что память для него — «не автоматический процесс, а результат целенаправленной деятельности» [Рейтблат, 2006, с. 4].

Некоторые структурные элементы некрологов В. С. Соловьева схожи с жанром эпитафии, в первой, древнейшей, части которой удостоверяли «личность покойного, сообщая его имя, статус и функцию, иногда краткую похвалу, а также дату смерти», а во второй части помещали «молитву Богу за душу усопшего» [Арьес, 1992, с. 201]. В измененном виде канонические части эпитафии присутствуют и в некрологах В. С. Соловьева и вообще в подобных текстах: это и сообщение о личности покойного, дате смерти, а иногда и финальная часть, представляющая собой инвариант молитвы. Газетный или журнальный некролог подобен надгробной надписи еще и в том, что адресован случайному читателю: в случае с печатным изданием — его подписчику, в случае с эпитафией — прохожему. В данной связи важен выбор В. С. Соловьевым места публикации некрологов: напомним, 11 из 14 текстов появились в популярном и авторитетном «Вестнике Европы», что свидетельствует о выборе «своей» аудитории, способной правильно прочесть послание, содержащееся в некрологе.

4. Заключение = Conclusions

Изначально может показаться, что героев соловьевских некрологов мало что объединяло: они имели разные профессии, относились к разным поколениям, некоторые из них жили не в России. Но это не совсем так. Во-первых, их объединяет фигура автора. Во-вторых, В. С. Соловьев создал собственную галерею портретов своих современников, о которых он считал важным сказать. Если расположить героев некрологов в соответствии с датами их рождения, то нетрудно заметить, что их фигуры охватывают практически весь XIX век, включая поколение, к которому относился сам автор (последний некролог будет написан за три месяца до смерти В. С. Соловьева):

- К. М. Шаховская (род. 1809);
- Я. П. Полонский (род. 7 (18) дек. 1819);
- Н. Н. Страхов (род. 16 (28) октября 1828);
- Ф. М. Дмитриев (род. 3 (15) июня 1829);
- Ф. Рачкий (род. 25 ноября 1829);
- А. М. Иванцов-Платонов (род. 13 (25) октября 1835);
- М. А. Хитрово (род. 1 (13) февраля 1837);
- И. Д. Рабинович (род. 11 (23) сентября 1837);

В. Г. Васильевский (род. 21 января (2 февраля) 1838);
Л. И. Поливанов (род. 27 февраля (11 марта) 1838);
Н. Я. Грот (род. 18 (30) апреля 1852);
В. В. Болотов (род. 31 декабря 1853 (12 января 1854));
М. С. Корелин (род. 30 августа (11 сентября) 1855);
В. П. Преображенский (род. 1864).

Некрологи, созданные Соловьевым, обладают признаками публицистического некролога как сообщения о смерти, но при этом не делают того, кому они посвящены, центром посмертного сообщения. Концептуально и структурно некрологи представляют собой смешение различных жанровых форм: литургии, молитвы, агиографических сочинений, эпитафии, поминальной речи, духовного завещания, мемуаров и критических очерков. Комплексное рассмотрение 14 некрологов обнаруживает их связь с другими сторонами художественного творчества В. С. Соловьева: очевидная смысловая близость с лирикой и некоторыми его философскими трудами.

Источники

1. *Соловьев В. С.* На смерть А. Н. Майкова / В. С. Соловьев // Стихотворения и шуточные пьесы. — Ленинград : Советский писатель, 1974. — С. 116.
2. *Соловьев В. С.* На смерть Я. П. Полонского / В. С. Соловьев // Стихотворения и шуточные пьесы. — Ленинград : Советский писатель, 1974. — С. 132.
3. *Соловьев В. С.* Некролог «В. П. Преображенский. 11 апреля 1900 г.» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1900а. — № 6. — С. 835—837.
4. *Соловьев В. С.* Некролог «Василий Васильевич Болотов. (сконч. 5 апреля 1900 г.)» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1900б. — № 7. — С. 416—418.
5. *Соловьев В. С.* Некролог «Василий Григорьевич Васильевский. 13 мая 1899 г.» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1899в. — № 7. — С. 455—456.
6. *Соловьев В. С.* Некролог «Иосиф Давидович Рабинович. 5 мая 1899 г.» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1899в. — № 7. — С. 453—455.
7. *Соловьев В. С.* Некролог «Княжна К. М. Шаховская» / В. С. Соловьев // Русь. — 1883. — № 24. — С. 60.
8. *Соловьев В. С.* Некролог «Л. И. Поливанов (11 февраля 1899 г.)» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1899б. — № 3. — С. 421—422.
9. *Соловьев В. С.* Некролог «М. А. Хитрово. 30 июня» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1896. — № 8. — С. 904—905.
10. *Соловьев В. С.* Некролог «Н. Н. Страхов. 24 января 1896 г.» (предупреждение и публ. Н. В. Котрелева) / В. С. Соловьев // Соловьевские исследования. — 2005. — № 2 (11). — С. 164—166.
11. *Соловьев В. С.* Некролог «Николай Яковлевич Грот. 23 мая 1889 г.» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1899в. — № 7. — С. 456—457.
12. *Соловьев В. С.* Некролог «Профессор протоиерей А. М. Иванцов-Платонов» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1894б. — № 12. — С. 893—894.
13. *Соловьев В. С.* Некролог «Ф. М. Дмитриев (род. 1829 г. — ум. 27 янв. 1894 г.)» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1894а. — № 3. — С. 453—454.

14. Соловьев В. С. Некролог «Франциск Рачкий (1/13 февраля 1894 г.)» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1894а. — № 3. — С. 416—418.
24. Соловьев В. С. Некролог «Яков Петрович Полонский (род. в Рязани 6 дек. 1819 г.; сконч. в Спб 18 окт. 1898 г.)» / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1898. — № 11. — С. 419—420.
15. Соловьев В. С. Некролог. М. С. Корелин. (3 января 1899) / В. С. Соловьев // Вестник Европы. — 1899а. — № 2. — С. 854—855.
16. Соловьев В. С. Россия и вселенская церковь / В. С. Соловьев. — Минск : Харвест, 1999. — 1600 с. — ISBN 985-433-531-3.

Литература

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. — Москва : Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992. — 528 с. — ISBN 5-01-003636-3.
2. Ассман Я. Культурная память : Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — ISBN 5-94457-176-4.
3. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. — Москва : Художественная литература, 1986. — 543 с.
4. Зотова О. Н. Общие характеристики частотного словаря лирики Владимира Соловьева // Соловьевские исследования. — 2013. — Выпуск 4 (40). — С. 27—42.
5. Котрелев Н. В. Предупреждение и публикация некролога «Н. Н. Страхов» / Н. В. Котрелев // Соловьевские исследования. — 2005. — № 2 (11). — С. 158—167.
6. Милетова Е. В. Аксиология религии и траурный этикет : аспект оценки в тексте некролога (на материале английского языка) / Е. В. Милетова // Филология и человек. — 2018. — № 4. — С. 11—124. — DOI: 10.14258/filichel(2018)4-09.
7. Онинко К. А. Первые русские некрологи: герои и контексты / К. А. Онинко // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2018. — № 1 (170). — С. 83—87. — DOI: 10.15393/uchz.art.2018.14.
8. Положение об издании губернских ведомостей [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://niab.by/vystavka_mingubved/temat_perechen/1/ (дата обращения 16.11.2021).
9. Рейтблат А. И. Некролог как биографический жанр / А. И. Рейтблат // Право на имя. Биография вне шаблона : Третьи чтения памяти Вениамина Иофе, Санкт-Петербург, 22—24 апреля 2005 г. : сборник докладов. — Санкт-Петербург : Мемориал ; Норд-Вест, 2006. — С. 3—10.
10. Свт. Григорий Нисский. Толкования на Мф. 5:8. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://bible.optina.ru/new:mf:05:08> (дата обращения 16.11.2021).
11. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01., 10.02.01 / А. Д. Степанов. — Москва, 2005. — 28 с.
12. Черейский Л. А. Шаховской В. М / Л. А. Черейский // Пушкин и его окружение. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1988. — 544 с.

Material resources

Solovyov, V. S. (1883). Obituary “Princess K. M. Shakhovskaya”. *Rus*, 24: 60. (In Russ.).
Solovyov, V. S. (1894a). Obituary “F. M. Dmitriev (born 1829 — died January 27, 1894)”. *Bulletin of Europe*, 3: 453—454. (In Russ.).

- Solovyov, V. S. (1894a). Obituary “Francis Rachky (February 1/13, 1894)”. *Bulletin of Europe*, 3: 416—418. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1894b). Obituary “Professor Archpriest A. M. Ivantsov-Platonov”. *Bulletin of Europe*, 12: 893—894. (In Russ.).
- Soloviev, V. S. (1896). Obituary “M. A. Khitrovo. June 30”. *Bulletin of Europe*, 8: 904—905. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1899b). Obituary “L. I. Polivanov (February 11, 1899)”. *Bulletin of Europe*, 3: 421—422. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1898). Obituary “Yakov Petrovich Polonsky (b. In Ryazan, 6 Dec. 1819; died in St. Petersburg on October 18, 1898)”. *Bulletin of Europe*, 11: 419—420. (In Russ.).
- Soloviev, V. S. (1899a). Obituary. M. S. Korelin. (January 3, 1899). *Bulletin of Europe*, 2: 854—855. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1899). Obituary “Joseph Davidovich Rabinovich. May 5, 1899”. *Bulletin of Europe*, 7: 453—455. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1899). Obituary “Nikolai Yakovlevich Grot. May 23, 1889”. *Bulletin of Europe*, 7: 456—457. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1899). Obituary “Vasily Grigoryevich Vasilievsky. May 13, 1899”. *Bulletin of Europe*, 7: 455—456. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1900a). Obituary “V. P. Preobrazhensky. April 11, 1900”. *Bulletin of Europe*, 6: 835—837. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1900b). Obituary “Vasily Vasilyevich Bolotov. (died on April 5, 1900)”. *Bulletin of Europe*, 7: 416—418. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1974). On the death of A. N. Maikov. In: *Poems and comic plays*. Leningrad: Soviet Writer. P. 116. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1974). On the death of Ya. P. Polonsky. In: *Poems and comic plays*. Leningrad: Soviet Writer. P. 132. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1999). *Russia and the Universal Church*. Minsk: Harvest. 1600 p. ISBN 985-433-531-3. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (2005). Obituary “N. N. Strakhov. January 24, 1896” (forewarning and publication of N. V. Kotreleva). *Solovyov studies*, 2 (11): 164—166. (In Russ.).

References

- Arjes, F. (1992). *A man in the face of death*. Moscow: Progress Publishing Group — Progress Academy. 528 p. ISBN 5-01-003636-3. (In Russ.).
- Assman, Ya. (2004). *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic culture. 368 p. ISBN 5-94457-176-4. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1986). *The problem of speech genres. Literary and critical articles*. Moscow: Fiction. 543 p. (In Russ.).
- Chereiskiy, L. A. (1988). *Shakhovskoy V. M. Pushkin and his entourage*. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch. 544 p. (In Russ.).
- Kotrelev, N. V. (2005). Pre-notification and publication of the obituary “N. N. Strakhov”. *Solovyov studies*, 2 (11): 158—167. (In Russ.).
- Miletova, E. V. (2018). Axiology of religion and mourning etiquette: an aspect of evaluation in the text of the obituary (based on the material of the English language). *Philology and Man*, 4: 11—124. DOI: 10.14258/filichel(2018)4-09. (In Russ.).

- Onipko, K. A. (2018). The first Russian obituaries: heroes and contexts. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University, 1 (170)*: 83—87. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.14. (In Russ.).
- Regulations on the publication of provincial gazettes*. Available at: https://niab.by/vystavka_mingubved/temat_perechen/1/ (accessed 16.11.2021). (In Russ.).
- Reitblat, A. I. (2006). Obituary as a biographical genre. The right to a name. In: *Biography outside the template: Third readings in memory of Veniamin Iof, St. Petersburg, April 22—24, 2005: collection of reports*. St. Petersburg: Memorial; Nord-West. 3—10. (In Russ.).
- Stepanov, A. D. (2005). *Chekhov's problems of communication. Author's abstract of Doct. Diss.* Moscow. 28 p. (In Russ.).
- Svt. Gregory of Nyssa. Interpretations on Mt. 5:8*. Available at: <http://bible.optina.ru/new:mf:05:08> (accessed 16.11.2021). (In Russ.).